

СОЦИОБИОЛОГИЯ И ПАТОПСИХОЛОГИЯ КЛЕПТОМАНИИ

ШЕВЧЕНКО Ю. С. *, Российская медицинская академия постдипломного образования, Москва, Россия,
e-mail: europsy@mail.ru

В статье, с позиций эволюционной и социобиологии, рассматривается феномен kleptomании. Обсуждаются различия между kleptomанией и воровством. Рассматриваются основные эволюционно закрепленные «программы» присвоения/заполучения животными чужого «добра». Обсуждаются дискуссионные вопросы об инстинктивной природе kleptomанического поведения у человека (особенно, в детском возрасте).

Ключевые слова: эволюционная и социобиология, инстинктивное поведение, воровство, kleptomания, патопсихология, дети.

Kлептомания (греч. *klepto* – красть, *mania* – страсть, безумие) – патологическое импульсивно возникающее влечение к воровству с непреодолимой потребностью удовлетворить это стремление. Характерны неожиданность появления влечения, чрезвычайная аффективная напряженность, отсутствие признаков нарушенного сознания, каких-либо психических задержек. Kleptomанические импульсы возникают на фоне тяжелой дисфории; по выполнении желаемого действия больной испытывает чувство удовлетворения, облегчения (Блейхер, Крук, 1995). Данное определение касается ядерной, психопатологически дифференцированной и достаточно ограниченной группы специфических расстройств поведения без учета их природы и динамики.

Ц. Ломброзо (Ломброзо, 1982), проводя различие между kleptomаном и обыкновенным вором, подчеркивал, что первый крадет по инстинкту, в силу болезненной потребности, тогда как второй – по расчету, ради приобретения; первого прельщает всякая понравившаяся ему вещь, второго же – только вещь ценная. Согласно американской классификации DSM-IV-TR, kleptomания относится к *расстройствам контроля над импульсами*, для которых характерны такие особенности поведения, как: *повторяемость, неадаптивность, первичность* (невключенность в структуру более общего психопатологического синдрома – бредового, галлюцинаторного и проч.), периодическая *неспособность противостоять побуждению* к совершению кражи, *наличие «продрома»* с напряженностью перед совершением поступка, *облегчение* после него (Шостакович, Леонова, 2007). Патологическое воровство (kleptomания) в МКБ-10 помещено в рубрику F63 – «Расстройства *привычек и влечений*» наряду с патологической склонностью к азартным играм, пироманией, трихотилломанией (Международная классификация ..., 1994). Эта группа нуждается в уточнении, поскольку между привычкой (которая, как известно, может стать «второй натурой» даже если

Для цитаты:

Шевченко Ю. С. Социобиология и патопсихология kleptomании // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 3. С. 24–38. doi:10.17759/exppsy.2015080303

* Шевченко Ю. С. Доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой детской и подростковой психиатрии и психотерапии, Российская медицинская академия постдипломного образования. Москва, Россия. E-mail: europsy@mail.ru

сформировалась из, казалось бы, абсолютно произвольного поведения) и влечением (которое изначально спаяно с биологической природой человека) при всей их близости существуют качественные различия, принципиально значимые как для общей психопатологии, так и для судебной психиатрии и психотерапии. На модели патологических привычных действий нами доказана возможность взаимных переходов между привычками и влечениями (Шевченко, 2007а). *Привычным воровством* «stealing» в англоязычной литературе называют кражи ради краж, когда субъект получает удовлетворение от самого факта правонарушения или процесса похищения. Истинная kleptomania наблюдается у лиц психопатического склада и при психопатоподобных состояниях, сопровождающихся расстройствами настроения и «жизни влечений» (Гиндикин, 1999). Здесь так же, как и в случаях аддиктивной мотивации употребления психоактивных веществ, по-видимому, можно выделить 2 группы пациентов: с мотивами коррекции эмоционально-негативного состояния и с мотивами стимуляции эмоционально-позитивного состояния (Гречаный, 2015). В то же время, в случаях спаянности kleptomania с личностными расстройствами, на что указывают многие авторы (Шостакович, Леонова, 2007), имеет место разный этолого-психодинамический смысл и патофизиологический механизм феноменологически идентичного поведения. Так, у истероидной личности kleptomanическое поведение носит во-многом инфантильно-игровой характер и отражает функциональную незрелость корковой регуляции, тогда как у эпилептоида оно служит способом разрядки напряженно-дисфорического аффекта (по типу переадресованной агрессии), обусловленного раздражением или патологической активностью подкорковых структур. У психастеника kleptomania – это смещенная активность, отражающая непрекращающуюся борьбу мотивов, обусловленных столкновением равносильных, но разнонаправленных подкорково-биологических и корково-личностных доминант. У шизоида воровство имеет скорее вторичный характер по отношению к сверхценному коллекционированию, спаянному с застойным очагом возбуждения в лобной коре, рационализирующей древний инстинкт собирательства.

Психический дизонтогенез (Ковалев, 1995) на уровне характера и личности (как правило сочетающийся с задержками или асинхронией развития других сфер) может быть обусловлен как наследственно-конституциональными и психогенно-воспитательными, так и церебрально-органическими (перинатальными) факторами, а также сочетанием указанных вредностей (Гинтер, 1976). Подтверждение мнения о наличии дизнейроонтогенетических механизмов в развитии kleptomania (о чем говорит ее чрезвычайно раннее начало, а также обнаружение «рассеянной резидуально-органической симптоматики» при неврологическом обследовании большинства kleptomанов) может поставить вопрос о включении в терапию и первичную профилактику данного расстройства методов нейропсихологической коррекции (Корнеева, 2002; Корнеева, Шевченко, 2010).

Здесь следует оговориться, что в данном контексте речь идет о первичной kleptomanии, не входящей в структуру депрессивного или шизоаффективного расстройства при которых kleptomania выступает в качестве психопатоподобного эквивалента (или маски) более общего (в частности, аффективного) нарушения. В то же время несомненный эмоциональный эффект воровства, как и любого рискованного поведения, очевиден. В этом смысле воровство, как этологический феномен, всегда изначально имеет адаптивный (защитно-приспособительный) смысл, поскольку реализация любой инстинктивной модели приятна сама по себе. Отсюда частота возникновения kleptomanического поведения на почве личностных (в том числе сексуально окрашенных) переживаний (дистимических, тревожно-

фобических, депрессивных, смешанных) как болезненного, так и доболезненного уровня. Современные данные социобиологии обосновывают отнесение kleptomании к одной из основных подгрупп инстинктов как животных, так и человека (Марков, 2011; Протопопов, Вязовский, 2011). Воруются не только то, что необходимо для выживания, но и то, что обеспечивает тиражирование собственных генов. Так, между самцами-шалашниками существует острая конкуренция, выражающаяся в том, что они то и дело воруют друг у друга особо ценные украшения для «любовных беседок» и пытаются разрушить шалашники соперников (Марков, 2011).

Человеческая честность не имеет аналогов в животном мире. Ею не отличаются даже шимпанзе. Более того, воровство – не единственный способ присвоения чужого, который был наработан в процессе эволюции живых существ и который в изначально инстинктивном или рационально закамуфлированном виде сохранился у человека. В.Р. Дольник (Дольник, 2004) указывает на то, что почти все виды общественных животных имеют шесть врожденных программ заполучения чужого добра.

Первая программа – **захват и удержание** самого источника благ (богатого кормом места, цветущего дерева, плодоносящего растения, стада малоподвижных животных, труппа, источника воды и т. п.). Захваченное добро удерживается силой, а все менее сильные претенденты прогоняются (в одиночку или с помощью группы «соратников»). У человека подобная программа проявляется еще в раннем детстве по типу «схватить и не отдавать». Ее демократизированная форма реализуется в «праве первого», поддерживаемом силой закона. Поскольку, как правило, удержать за собой источник благ способна сильная особь, постольку для посторонних сам факт обладания им (лимузином, особняком, самолетом, землей) – признак силы и власти. В этом смысле уместно вспомнить выражение: «Власть денег» или поэтическую характеристику: «Богат и славен Кочубей, его поля необозримы». Стремление продемонстрировать богатство исправно работает в интересах сильных. Так, коршуны реже вторгаются во владения семей с богато (но не сверх меры, дабы привлекательность участка не пересилила страх сильного хозяина) украшенными гнездами, чем на участки «бедняков», что соответствующим образом отражается на выживаемости птенцов в «богатых» гнездах. Нувориши, а тем более обманщики, вызывающе демонстрирующие богатые украшения, рискуют подвергнуться ожесточенной агрессии соплеменников, обеспечивающей социальный контроль «честности сигнала» (Марков, 2011). Отсюда выражение «Не по Сеньке шапка».

Вторая программа – **огрбление**, т. е. отнятие чужой собственности силой, пользуясь своим физическим превосходством. Дети начинают грабить раньше, чем говорить. Отнятие у более слабых пищи, игрушек, денег, осуществляемое в одиночку либо в группе, может стать стилем жизни (клептопаразитизмом), присущим как некоторым видам животных, так и целым народам, известным в истории человечества. Подростковые группы, состоящие из лиц с несформированной или утраченной способностью испытывать сострадание к другим людям, легко становятся бандами, объединяющими «братьев-разбойников», грабящих и чужих и своих. При этом грабеж мотивируется не только инстинктом обогащения, но и врожденно-социальной потребностью в инициации, т. е. посвящении в ранг «взрослого». Притом не просто взрослого, а сразу (минуя промежуточные ступени) в представителя верхней части иерархической пирамиды – «разбойника», «воина», «пирата», «крутого», который живет согласно специфической морали сам по себе и для себя, не подчиняясь законам «толпы» и присваивает чужое «по праву сильного».

В процессе эволюции основной социальной потребностью человека становится потребность в *самоидентификации*. Кроме того, к социальным потребностям относятся потребность в *доминировании* (приоритетном доступе к витальным ресурсам, включая деньги), и в *лидерстве* (Жуков, 2014). Они проявляются в стремлении к богатству и славе. Самоидентификация, являясь врожденной потребностью, соединяет самосознание со сферой социальных связей и отношений. Все три социальные потребности могут реализоваться в таком антиобщественном феномене, как «вор в законе», делающем присвоение чужого обязательным условием их удовлетворения. У современных самоидентифицирующихся подростков возникла своеобразная мода на индивидуальный и групповой шоплифтинг (shoplifting) – тихий вынос товара из розничного магазина. Делается это не с целью обогащения и не столько из желания испытать «выброс адреналина». Основная цель подросткового шоплифтинга – фотографировать свои «трофеи» и выставить фото в интернете на специальном сайте, дабы самоутвердиться за счет проявленной ловкости и бесшабашности (мотив, характерный для поведения инициации любого социального вида животных) или же обозначить себя на сайте в роли Робин Гуда или наставника для начинающих.

Третья программа – *отбирание* добра и благ в виде «дани», «оброка» у стоящих ниже рангом, причем, как правило, без стычки, а «по праву» доминирования. Отнятие как один из способов утверждения иерархии происходит у общественных видов постоянно, хотя бы в символической форме. У обезьян подчиненные особи не только безропотно отдают все, что заинтересует доминанта, но и добровольно, упреждая его гнев, по принципу «каждый сам ему приносит и спасибо говорит». При этом не всегда ясно, дань это или подарок. Даритель, обозначая свое подчиненное положение, успокаивает доминанта на предмет стабильности иерархической лестницы, освобождая от необходимости иным способом демонстрировать собственное превосходство и, в то же время, запечатлевает в сознании «владыки» свой образ, спаянный с положительными эмоциями на случай, если будет нуждаться в его защите, покровительстве или снисходительности. Как говорится: «Не подмажешь – не поедешь». Передача добра снизу вверх по иерархической пирамиде для людей «естественна» в том смысле, что имеет хорошо отлаженную инстинктивную программу. Дарение подарков для установления и укрепления дружеских отношений – универсальная для всех народов форма поведения (Eibl-Eibesfeldt, 1985). В то же время дарение другу, а тем более доминанту подарка, превышающего по своей ценности возможности последнего для «встречного» дара, воспринимается как демонстрация превосходства (см. первую программу), что может вместо положительных эмоций вызвать отрицательные и спровоцировать агрессию. История знает случаи, когда вассалы впадали в немилость к владыкам после такой «бескорыстной» демонстрации своих богатств и даже погибали из-за неосознанного нарушения принципов социально-инстинктивного поведения. Рассматриваемая программа реализуется в разного рода традициях и ритуалах почитания: подношения деспоту, «подарки» начальнику, лакомый кусок «хозяину», масел «бугру», дарение уважаемому гостю вещи, которую тот похвалил, уступка при продаже («Почтенный покупатель дороже денег»).

Четвертая программа – *похищение* чужой собственности. Воровство принципиально отличается от грабежа тем, что его совершает особь, стоящая рангом ниже обворованной. Поэтому воруют животные тайно, применяя разного рода уловки, стаив, убегают и прячут или съедают незаметно, поскольку запущенная программа воровства сразу же предупреждает о запрете: попадешься – побьют. У обезьян из-за жестокой иерархии воровство процветает, одновременно совершенствуя поведение, позволяющее не попадаться (поскольку

всегда есть риск быть замеченным «ябедой», постоянно сканирующим пространство, на котором проживает семейство). Ведь даже менее грубое нарушение субординации грозит наказанием. Поэтому, надеясь втихомолку, животное постоянно тревожно оглядывается по сторонам. Это же инстинктивное поведение демонстрирует ребенок, жуя в одиночку бутерброд или пирожное, несмотря на то, что находится в объективно безопасной ситуации (Резникова, 2012).

Человеческая демократия сама по себе не нейтрализует этот «звериный инстинкт». В этом смысле принципиальный отказ от физического наказания за воровство работает против врожденного страха быть пойманным и побитым (и тем самым «опущенным» в глазах окружающих), что требует нахождения равнозначного альтернативного воздействия. Это же касается низкого шанса оказаться «пойманным за руку» в перенаселенном и мигрирующем обществе, а, как известно, «не пойман – не вор». Социальное подкрепление тормозящего сопровождения инстинктивной воровской программы в виде высокой вероятности быть уличенным и жестоко наказанным способно ее почти полностью нейтрализовать.

Пятая программа – **попрошайничество**, распространенное у всех видов животных, в чем можно легко убедиться, посетив зоопарк. Принимая позу, имитирующую позу детеныша, выпрашивающего корм, попрошайка воздействует на родительский инстинкт окружающих, вызывает у них чувство жалости, побуждая к альтруистическому поведению (подаванию, допуску к месту кормления). Попрошайничество всегда адресовано вверх: обращено к владельцу источника благ, либо к более сильной особи, либо к (до этого момента) равному по рангу. Естественно, что попрошайничают в основном обезьяны, находящиеся на низких этажах иерархии. Особенно выделяется попрошайничество детенышей, а также самок, если их подкармливают самцы. У человека попрошайничество развито еще сильнее, чем у обезьян: мы все время что-нибудь просим или вынуждены просить (реализуя транзакцию «дитя» – «родитель»). Нежелание даже из соображений материальных или иных выгод унижаться в глазах окружающих или в своих собственных («Мы бедные, но гордые») проявляется в том, что некоторым людям гораздо проще просить за других (общаясь в транзакции «взрослый» – «взрослый»), чем за самих себя. Напротив, произвольно утрированное инстинктивное поведение проявляется в двурушничестве, т. е. протягивании обеих просящих рук, вопреки неписанному правилу протягивать только одну.

Шестая программа заполучения чужого добра представляет собой **обмен**. Он развит у обезьян и некоторых врановых. Меняются животные одного ранга. При этом у них обмен всегда обманный, использующий очень хитрые программы, как обдурить партнера, подсунуть ему не то, захватить оба предмета, которыми начали меняться и т. п. У людей эта подсознательная сторона обмена – обязательная выгода также развита. Достаточно вспомнить известные выражения: «Не обманешь – не продашь», «На рынке два дурака...», «Они делают вид, что нам платят, мы – что работаем». При этом, поскольку иерархические позиции в ситуации обмена примерно равные (или независимые друг от друга), а оба его участника вступают в сделку добровольно, эмоциональная сторона реализации данной программы наиболее комфортна. Каждый в момент обмена считает, что его выгода больше, чем у другого. Порой бывает трудно определить, что руководит бесчестным продавцом, работодателем или бухгалтером – обдуманное экономическое соображение или архаический инстинкт присвоения чужого. Удовольствие от реализации врожденной программы обмена явно обнаруживается у восточных торговцев, заведомо завышающих цену на свой товар и с готовностью снижающих ее в несколько раз во время торга. Более того, богатый иностранец

нец, сразу заплативший первоначальную цену, воспринимается ими как «глупый». Азарт биржевого игрока имеет ту же природу. Честный взаимовыгодный обмен – позднее достижение разума, борющегося с мошенничеством инстинктивной программы (Дольник, 2004).

Амоц Захави (приведено по: Докинз, 2013) предполагает еще одну (седьмую) возможность заполучения того, что предназначено другим – *шантаж*, когда своим поведением или угрозой его осуществления – привлечь хищника громким писком, либо криком (превышающим по своей интенсивности истинное чувство голода или боли); уйти из дому; покончить с собой; пожаловаться в комиссию по правам ребенка; раскрыть семейную тайну; скомпрометировать кого-то из близких, разорить родителей, если те не согласятся на брак с их дочерью и т. п. – шантажист вымогает те или иные привилегии для себя. Эта безжалостная тактика кукушонка, подкинутого матерью в чужое гнездо и конкурирующего с «молочными братьями», в принципе аналогична тактике террориста, угрожающего взорвать самолет, на борту которого находятся пассажиры, если ему не предоставят выкуп. Исходя их концепции эгоистичного гена и имея в виду инстинктивное поведение, Р. Докинз (Докинз, 2013) подчеркивает, что по своей природе: «Ребенок не должен упускать ни одной возможности смошенничать, соврать, обмануть, используя все, что можно, в собственных целях» (с. 226).

Программа воровства есть у многих животных, как собирателей, присваивающих себе то, что «плохо лежит», так и хищников, отнимающих добычу у другого (Дольник, 2004). Этот инстинкт этологи называют «клептоманией», не вкладывая в данный термин никакого психопатологического смысла. В ряде случаев на основе врожденной воровской программы развивается особый образ жизни – клептопаразитизм, филогенетический прообраз рэкета. Так, некоторые виды поморников являются подлинными клептопаразитами.

В трудных условиях инстинктивная программа воровства помогает выжить, особенно если животное в своей группе оказалось на дне иерархической пирамиды, и его к пище не подпускают более сильные сородичи. У сытого же животного воровство проявляется в форме игры. Живущие в достатке вороны городских пригородов могут подолгу крутиться вокруг собаки, пока не украдут из-под ее носа припрятанную той кость. При этом воровской «азарт» оказывается сильнее реальной опасности пострадать от своих действий. Ручные вороны крадут и прячут буквально все у всех, реализуя свою врожденную программу, можно сказать, из чисто спортивного интереса (Дольник, 2004). Выражение «сорока-воровка» стало нарицательным. Поговорка «охоча сорока до находки» подчеркивает субъективно приятный эмоциональный компонент самого процесса воровства. Детское воровство, отмечающееся у совсем маленьких детей (в том числе и из абсолютно обеспеченных семей) также носит характер игры, реализующей инстинктивную программу, и не имеет, как правило, никакого отношения ни к истинному воровству в социально-юридическом смысле, ни к клептомании в смысле психопатологическом. Психически здоровые дети нередко крадут блестящие, красивые вещи, сладости, деньги для получения удовольствия, ради престижа, а также из зависти к их обладателям, либо из стремления отомстить обидчику. Подростковое воровство в виде набегов на чужой сад за яблоками или цветами имеет несколько иной смысл и практически аналогично воровским рейдам шимпанзе на фруктовые плантации. Цель его – похвастаться перед товарищами и предстать героем перед девочками, угостив понравившуюся похищенным плодом или преподнеся ей ворованный букет (на честно заработанные деньги он скорее приобретет что-нибудь самому себе). Здесь срабатывают сразу две инстинктивные программы: а) инициации («взрослое поведение») и

б) полового поведения. Последняя соответствует *репродуктивной* стратегии: «секс в обмен на пищу» (Марков, 2011).

Наслаждение, приносимое самим процессом присвоения с помощью похищения (*индивидуальное поведение*), а также сознанием того, что данное «плохое» поведение преодолевает установленные обществом единые для всех стандарты приспособительной адаптации (*социальное поведение*, уходит корнями к филогенетически обусловленной программе собирательства, с одной стороны, и агрессивно-иерархическому контексту – с другой, поскольку успешность социальной экспансии приводит к повышению социального статуса. Беря исключительное право вести себя не как все, субъект в собственных глазах превращается из «быка» в «Юпитера», согласно известному крылатому выражению: «quod licet Jovi, non licet bovi». Иными словами, воровство как этологический феномен замыкается и на биологической, и на социальной сущности человека. Двойственная филогенетическая природа kleptomанического поведения, возможно, объясняет современные гендерные различия его субъективного смысла и динамики. Женщины, оставшиеся в эволюции «собираательницами», в большей степени мотивируются самим процессом присвоения, тимолептически-транквилизирующий эмоциогенный компонент которого позволяет справиться с депрессией, тогда как переживания по поводу асоциальности воровства заставляют многих женщин самостоятельно обращаться за помощью к врачу. Безудержное и бессмысленное шопингование (как правило, за счет преданных мужчин), удовлетворяя собирательский инстинкт, служит для них альтернативой kleptomании.

Мужчины же, приобретшие в процессе эволюции статус «охотников» и использовавшие охотничьи навыки в борьбе за иерархический статус в традиционно-патриархальной организации человеческого общества, тяготеют к стимулирующе-атарактическому, экспансивно-агрессивному способу психической саморегуляции. Отсюда их меньшая, по сравнению с женщинами, социабельность (в смысле нормативной конформности) и редкость самостоятельного обращения за помощью. Мужское воровство больше напоминает экстремальные виды спорта и тяготеет к антисоциальному и агрессивно-деструктивному полюсу психопатологии, в частности, такой типично «мужской» девиации, как пиромания, тогда как фемининное воровство коморбидно тревожно-депрессивным нарушениям и аутоагрессивному поведению типа трихотилломании и нервной анорексии – преимущественно «женским» заболеваниям. Отмеченные клинико-этологические различия предполагают необходимость дифференцированного подхода к медикаментозному и психотерапевтическому лечению kleptomании у мужчин и женщин.

Даже противники инстинктивной природы воровства (Шостакович, Потапов, 1995) указывают на порой имеющий место сексуальный оттенок патологических краж, связывая их с подсознательным запечатлением первого яркого сексуального опыта по механизму импринтинга (т. е. по одному из известных этологических механизмов). Термин «клептолагния» (греч. *lagneia* – похоть, сладострастие) предложен (Kiernan G.C.; приведено по: Блейхер, Крук, 1995) для обозначения кражи, связанной с переживанием сексуальной неудовлетворенности. Достижение сексуального удовлетворения происходит за счет того, что чувство страха и тревоги, возникающее при совершении кражи, стимулирует недостающие импульсы. Можно предположить, что компенсаторный характер кражи на фоне депрессии заключается в саморегуляции психического тонуса на уровне «аффективной экспансии» (Лебединский и др., 1990; Никольская, 2000). В этих случаях больной испытывает страх и одновременно азарт его преодоления, тогда как при недепрессивной kleptomании – лишь

неодолимое влечение к совершению кражи. Здесь компенсаторный механизм иного рода – не повышение психического тонуса, а снятие напряжения. Депрессивное воровство можно заменить экспансивным поведением иного рода, тогда как первично инстинктивная kleптомания имеет более жесткие релизерные связи, обусловленные импринтингом ключевых стимулов. Впрочем, это касается крайних вариантов рассматриваемых расстройств и начальных форм их существования. Существуют переходные формы и универсально направленная динамика с постепенным приобретением kleптоманическим поведением качества импульсивного влечения. Между непатологическим и патологическим поведением возможно наличие переходных феноменов: ситуативно обусловленное, реактивно возникшее воровство – эпизоды воровства, повторяющиеся по все менее актуальным поводам – привычное (условно патологическое) воровство – воровство как патологическая привычка – психопатологический синдром kleптомании в форме навязчивого или неодолимого влечения. Таким образом, наложение изначально непатологического, осознанно-произвольного поведения в форме корыстного воровства на врожденно-инстинктивную, этологическую модель создает предпосылку к особенно легкому и быстрому формированию и фиксации kleптомании и приобретению ею качества аддиктивного расстройства, аналогично тому, как это происходит при некоторых вариантах трихотилломании, возникших на базе произвольных гигиенических или ритуальных актов (Шевченко, 2007б).

Как и при других формах аддикции, здесь прослеживается известная патопсихологическая динамика в виде последовательных сдвигов «мотива на цель», а «цели на условие», описанная Б.В. Зейгарник (Зейгарник, 1986), наиболее четко представленная в тех случаях, когда в качестве основного условия улучшения качества собственной жизни человек видит обогащение, а в качестве оптимального способа достижения этого избирает незаконное присвоение чужого добра. Предпочтение подобной краткосрочной программы получения удовольствия (в противовес долгосрочной программе упорного и добросовестного труда) указывает на «примитивность» рассматриваемых личностей (Протопопов, Вязовский, 2011), не обязательно зависящую от уровня формального интеллекта, но указывающую на конституциональный дисбаланс между инстинктивностью и разумностью. При этом каждый успешный акт воровства сопровождается положительными эмоциями по поводу того, что удалось обогатиться и избежать наказания. Будучи изначально ведущим, корыстный мотив в иерархии мотивов какое-то время конкурирует, а затем сменяется гедонистической или атарактической мотивацией (Шостакович, Леонова, 2007), что проявляется в замыкании психодинамической цепи инстинкт–привычка–лечение (Шевченко, 2007б, 2011).

Н. Плиский (Плиский, 1995) подчеркивал хронический характер kleптомании и выраженную предпочтительность ее возникновения в детском возрасте, характеризующимся как известно, актуальностью инстинктивных механизмов поведения и слабостью волевого контроля, особенно в случае наличия резидуально-органической церебральной недостаточности. В то же время, есть наблюдения о преходящей kleптомании у женщин на фоне беременности. В отличие от патологического насилия, kleптомания чаще встречается у представителей женского пола. Импульсивные кражи могут совершаться во время менструаций и носить черты сексуального фетишизма (Гиршфельд, 1924, приведено по: Шостакович, Потапов, 1995).

Психоаналитический взгляд на происхождение kleптомании декларирует, что ребенок чувствует себя ущемленным, нелюбимым, обделенным подарками и другими доказательствами принятия. Неудовлетворенность своего либидо он компенсирует тем, что похищает вещь обидчика, одновременно мстя ему (Шостакович, Потапов, 1995). При этом родители страдают

не столько в связи с материальным ущербом, сколько от сознания потери «хорошего ребенка». Возмущение конкретным поведением они распространяют на отношение к личности его носителя. Отторжение «плохого» ребенка, накладываясь на первичный дефицит эмоционального принятия, замыкает порочный круг детско-родительского непонимания.

По нашему мнению, инстинктивная поведенческая программа присвоения или отнимания чужой собственности может реализовываться ребенком в контексте различных сложных типов поведения. У детей с сильным инстинктом собственности она срабатывает по принципу «Все вокруг колхозное – все вокруг мое». Детство – естественный аналог эволюционно-филогенетического этапа общечеловеческого поведения в виде собирательства. Умея только ползать, ребенок уже все замечает на полу, подбирает и тянет в рот. Отучить его от этого занятия невозможно в силу того, что оно реализует инстинктивную программу. Патологическое усиление данной программы проявляется в виде синдрома *риса* – сороки. Став постарше, ребенок удовлетворяет свои инстинктивные позывы, собирая всюду всякую всячину и заполняя ею карманы и укромные уголки собственной территории. Социализированные формы инстинктивного собирательства выражаются во взрослом возрасте в виде коллекционирования книг (в том числе не отданных их бывшим владельцам и тех, которые никогда не будут прочитаны), марок, лоскутов материи, кулинарных рецептов и проч. Старческое расторможение и усиление собирательского инстинкта может принять характер «синдрома Плюшкина».

Редко найдется ребенок, не шаривший по карманам своих родителей в поисках мелочи, на которую он покупал сладости или безделушки. Нормальность для определенного возраста такого «воровства» заключается в том, что оно включается в опять-таки врожденную программу иерархического поведения, поскольку наличие собственных денег повышает статус ребенка в глазах его сверстников и своих собственных. Что касается кражи того, чего брать нельзя и там, где это грозит наказанием (по типу «запретный плод – сладок»), то этот тип kleptomанического (в этологическом смысле) поведения следует рассматривать как имеющий игровой характер. Его главный эффект – азарт экспансии. Групповой характер подобных «воровских» игр весьма напоминает такие виды спорта, как футбол, хоккей, регби и т. п., где основной смысл – отнять то, что тебе не принадлежит. В этом смысле kleptomан – это несостоявшийся футболист, кладоискатель, разведчик (ворующий чужие сведения), т. е. «пионер» (синоним – «скаут») не прошедший процедуры инициации.

Гайдаровский Тимур со своей командой пионеров также совершал тайные набеги на соседние огороды, как и шайка Мишки Квакина, стихийно-подсознательно реализовывая один из компонентов сложного социально-инстинктивного обряда инициации, существующего в любом традиционном обществе и имеющего филогенетические корни в животном мире (Клинков, 1995; Самохвалов, 1997). Необдуманное разрушение имевшихся социально направляемых институтов инициации в постсоветских странах без создания альтернативных фрустрирует инстинктивную потребность подрастающих членов общества в инициации и направляет реализацию последней по случайному, неконтролируемому пути, легко принимающему разнообразные криминальные и/или патологические формы (Клинков, 1995; Самохвалов, 1997; Шевченко, 2007б).

Связанная с детским воровством ложь нередко еще более, чем сами кражи расстраивающая родителей (добивающихся от ребенка чистосердечного признания) и удивляющая их не по-детски изощренной хитростью и находчивостью, также является продуктом инстинктивных механизмов, а именно – механизма «смещенной активности» или замеща-

ющего поведения. Боясь наказания за воровство, ребенок не решается признаться в нем, уклониться же от неприятного разговора он тоже не в состоянии, а объяснить мотивы своего поведения просто не в силах, поскольку оно носит инстинктивный, а стало быть, неосознаваемый характер. И тогда включается программа замещающего поведения в виде спасительной лжи, сбивающей с толку родителей, приводящей их в состояние растерянности. Последние теперь уже реагируют не на факт воровства сына или дочери, а на подброшенную им информацию. В итоге смещенная активность обвиняемого переключает внимание обвинителей. Возмущаясь «наглой ложью» ребенка, взрослые забывают про его воровство и не наказывают за него. В результате воровство процветает, а ложь становится все искуснее.

Исходя из этологического постулата, говорящего о том, что не существует абсолютного бессмысленного поведения, что любой поступок изначально имеет приспособительный или защитный характер, психотерапия kleptomании должна строиться в двух направлениях. Помимо цели прекратить воровство она должна включать задачу обеспечить пациента альтернативным, социально приемлемым источником реализации актуальных потребностей и получения положительных эмоций, в том числе за счет элевации, очеловечения инстинктивных моделей поведения (Байярд, Байярд, 1991; Бихевиорально-когнитивная психотерапия ..., 2003; Шевченко, Добридень, 2004).

Литература

1. Байярд Р., Байярд Дж. Ваш беспокойный подросток: Практическое руководство для отчаявшихся родителей: пер. с англ. М.: Просвещение, 1991. 224 с.
2. Бихевиорально-когнитивная психотерапия детей и подростков / Под общ. ред. проф. Ю.С. Шевченко. СПб.: Речь, 2003. 552 с.
3. Блейхер В.М., Крук И.В. Клептомания. Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1995. С. 248.
4. Гиндикин В.Я. Клептомания. Справочник по психологии и психиатрии детского и подросткового возраста / Под ред. С.Ю. Циркина. СПб, «Питер», 1999. С. 314–315.
5. Гинтер Е.К. Врожденные болезни // БМЭ. Т. 4. 3-е изд. :Изд-во «Советская энциклопедия», М., 1976. С. 1352–1353.
6. Гречаный С.В. Расстройства поведения у подростков, сочетающиеся с употреблением психоактивных веществ (клинико-динамический и адаптационно-личностный аспекты: автореф. ... докт. мед. наук. СПб, 2015. 48 с.
7. Докинз Р. Эгоистичный ген: пер. с англ. М.: АСТ CORPUS, 2013. 512 с.
8. Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. 4-е изд. СПб.: ЧеРо-на-Неве; Петроглиф, 2004. 352 с.
9. Жуков Д.А. Стой, кто ведет? Биология поведения человека и других зверей: в 2-х т. Т. 1. М.: Альдина нон-фикшн, 2014. 428 с.
10. Зейгарник Б.В. Патопсихология. 2-е изд. Изд-во Московского университета. М., 1986. 287 с.
11. Клинков В.Н. Обряды инициации и эволюция подростковой психопатологии // Acta Psychiatri, Psychother., et Ethologica Taurica. 1995. № 3. Р. 131–137.
12. Ковалев В.В. Психиатрия детского возраста: руководство для врачей. 2-е изд. М.: Медицина, 1995. 560 с.
13. Корнеева В.А. Сенсомоторная коррекция при нарушениях психического развития у детей младшего школьного возраста // Ю.Ф. Антропов, Ю.С. Шевченко. Лечение детей с психосоматическими расстройствами. СПб: Речь, 2002. С. 463–483.
14. Корнеева В.А., Шевченко Ю.С. Нейропсихологическая коррекция пограничных состояний у детей и подростков (теория и практика). М., ИП «ТАКТ», 2010. 154 с.
15. Лебединский В.В., Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция. М., Изд-во МГУ, 1990. 197 с.

16. Ломброзо Ц. Гениальность и помешательство: репринтное воспроизведение издания Ф.Павленкова. СПб., 1982. 253 с.
17. Марков А. Эволюция человека: в 2 кн. Кн. 1: Обезьяны, кости и гены. М.: Астрель CORPUS, 2011. 464 с.
18. Международная классификация болезней (10-й пересмотр). ВОЗ СПб: АДИС, 1994. 303 с.
19. Никольская О.Н. Аффективная сфера человека. Взгляд сквозь призму детского аутизма. М.: Центр лечебной педагогики, 2000. 363 с.
20. Плиский Н. О kleptomании («врожденной» склонности к воровству). М.: РИО ГНЦ имени В.П.Сербского МЗ РФ, 1995. 61 с.
21. Протопопов А.И., Вязовский А.В. Инстинкты человека: (попытка описания и классификации). Якутск: Компания «Дани АлмаС», 2011. 144 с.
22. Резникова Ж.И. Телелекция на сайте [www.ethology.ru](http://ethology.ru). 2012 URL: <http://ethology.ru/persons/?id=66>
23. Самохвалов В.П. Этология человека: некоторые последствия объективных исследований поведения для медицины и антропологии (обзор) // Таврический журнал психиатрии. 1997. Т. 1. № 2. С. 50–80.
24. Шевченко Ю.С., Добридень В.П. Радостное взросление: развитие личности ребенка (методика ИНТЭКС). СПб.: Речь, 2004. 202 с.
25. Шевченко Ю.С. Инстинкт – привычка – влечение: патологические привычные действия как формы аддикции // Руководство по аддиктологии / Под ред. проф. В.Д. Менделевича. СПб: Речь, 2007а. С. 547–570.
26. Шевченко Ю.С. Kleptomания: этолого-психиатрический аспект. Амбулаторная и больничная психотерапия и медицинская психология. 2007б. № 5. С. 186–191.
27. Шевченко Ю.С. Принципы диагностики в детской и подростковой психиатрии // Детская и подростковая психиатрия: Клинические лекции для профессионалов / Под ред. Ю.С. Шевченко. М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2011. С. 29–71.
28. Шостакович Б.В., Потанов С.А. Послесловие // Н. Плиский. О kleptomании («врожденной» склонности к воровству). М.: РИО ГНЦ имени В.П.Сербского МЗ РФ, 1995. С.51–59.
29. Шостакович Б.В., Леонова О.В. Зависимое воровство (kleptomания и делинквентные кражи) // Руководство по аддиктологии / Под ред. проф. В.Д. Менделевича. СПб.: Речь, 2007. С. 327–346.
30. Eibl-Eibesfeldt I. Humanethologie. Berlin; N.Y.: Plenuv Press, 1985. 875 p.

SOCIOBIOLOGY AND PATHOPSYCHOLOGY OF KLEPTOMANIA

SHEVCHENKO Yu. S. *, *Russian Medical Academy of Postgraduate Education, Moscow, Russia,*
e-mail: europsy@mail.ru

In this article we discuss the phenomenon of kleptomania from the standpoint of evolutionary and sociobiology. The differences between kleptomania and theft are shown. The basic evolutionary fixed «programs» of assignment / hold of other animals «goods» are revealed. We discuss the controversial issues of the instinctive nature kleptomaniac behavior in humans (especially in children).

Keywords: evolution and sociobiology, instinctive behavior, stealing, kleptomania, pathopsychology children.

For citation:

Shevchenko Yu.S. Sociobiology and pathopsychology of kleptomania. *Ekspierimental'naya Psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2015, vol. 8, no. 3, pp. 24–36 (In Russ., Abstr. In Engl.). doi: 10.17759 / exppsy.2015080303

* *Shevchenko Yu. S. MD, Professor, Head of the Department of Child and Adolescent Psychiatry and Psychotherapy of the Russian Medical Academy of Postgraduate Education. Moscow, Russia. E-mail: europsy@mail.ru*

References

1. Bayard R., Bayard J. *Vash bespokoinyi podrostok: Prakticheskoe rukovodstvo dlia otchaitavshikhsia roditelei: per. s angl.* [Your troubled teen: A Practical Guide for desperate parents: Transl. from English]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1991. 224 pp.
2. Bikhevioral'no-kognitivnaia psikhoterapii detei i podrostkov [Behavioral-cognitive psychotherapy of children and adolescents] / Ed. Yu. S. Shevchenko. Saint Petersburg: Rech Publ., 2003. 552 pp.
3. Bleicher V.M., Crook I.V. *Kleptomaniia. Tolkovyi slovar' psikhiatricheskikh terminov* [Kleptomania. Explanatory Dictionary of psychiatric terms]. Voronezh: Publishing house of the NGO "MODEK", 1995. 248 pp.
4. Dawkins R. *Egoistichnyi gen: per. s angl.* [The Selfish Gene: transl. from English]. Moscow: AST CORPUS Publ., 2013. 512 pp.
5. Dol'nik V.R. *Neposlushnoe ditia biosfery. Besedy o povedenii cheloveka v kompanii ptits, zveri i detei.* [Naughty child of the biosphere. Conversations about the behavior of the person in the company of birds, animals and children]. 4th ed. Saint Petersburg: CheRo-on-Neva; Petroglyph, 2004. 352 pp.
6. Eibl-Eibesfeldt I. *Humanethologie*. Berlin; N.Y.: Plenum Press, 1985. 875 p.
7. Gindikin V.J. *Kleptomaniia. Spravochnik po psikhologii i psikhiatrii detskogo i podrostkovogo vozrasta* [Kleptomania. Handbook of psychology and psychiatry for children and adolescents] / Ed. S. Y. Tsirkin. St. Petersburg: "Piter", 1999, pp. 314–315.
8. Ginter E.K. *Vrozhdennye bolezni* [Congenital diseases]. *BME*. Vol. 4. 3rd. ed. Publishing house "Soviet Encyclopedia", Moscow, 1976, pp. 1352–1353.
9. Grechanyi S.V. *Rasstroistva povedeniia u podrostkov, sochetaiushchiesia s upotrebleniem psikhoaktivnykh veshchestv (kliniko-dinamicheskii i adaptatsionno-lichnostnyi aspekty: avtoref. ... dokt. med. nauk* [Conduct disorders in adolescents, combined with substance use (clinical and adaptive-dynamic aspects of personality: Dissertation abstract of Doctor. Med. Sciences)]. St. Petersburg, 2015. 48 p.
10. International Classification of Diseases (10th revision). WHO. St. Petersburg: AFIS, 1994. 303 pp.
11. Klinkov V.N. *Obriady initsiatsii i evoliutsiia podrostkovoi psikhopatologii* [Rites of initiation and evolution of adolescent psychopathology]. *Acta Psychiatriy, Psychother., Et Ethologica Tacrica*, 1995, no. 3, pp. 131–137.
12. Korneeva V.A. *Sensomotornaia korrektsiia pri narusheniakh psikhicheskogo razvitiia u detei mladshogo shkol'nogo vozrasta* [Sensorimotor correction in the mental development of children of primary school age]. In Y.F. Antropov, Y.S. Shevchenko (eds.), *Lechenie detei s psikhosomaticheskimi rasstroistvami* [Treatment of children with psychosomatic disorders]. St. Petersburg: Rech, 2002, pp 463–483.
13. Korneeva V.A., Shevchenko Yu.S. *Neiropsikhologicheskaiia korrektsiia pogranychnykh sostoianii u detei i podrostkov (teoriia i praktika).* [Neuropsychological correction boundary conditions in children and adolescents (theory and practice)]. Moscow: SP "TACT", 2010. 154 pp.
14. Kovalev V.V. *Psikhiatriia detskogo vozrasta: rukovodstvo dlia vrachei. 2-e izd.* [Psychiatry of Childhood: A Guide for Physicians. 2nd ed.]. Moscow: Medicine, 1995. 560 pp.
15. Lebedinskii V.V., Nikol'skaia O.S., Baenskaia E.R., Libling M.M. *Emotsional'nye narusheniia v detskom vozraste i ikh korrektsiia.* [Emotional disorders in children and their correction]. Acad. Moscow State University, 1990. 197 pp.
16. Lombroso C. *Genial'nost' i pomeshatel'stvo: reprintnoe vosproizvedenie izdaniia F. Pavlenkova* [Genius and insanity: reprint of F. Pavlenkov]. SPb., 1982. 253 pp.
17. Markov A. *Evoliutsiia cheloveka: v 2 kn. Kn. 1: Obez'iany, kosti i geny.* [Evolution of man: in 2 books. Bk. 1: Monkey bones and genes]. Moscow: Astrel CORPUS, 2011. 464 pp.
18. Nikol'skaia O.N. *Affektivnaia sfera cheloveka. Vzgliad skvoz' prizmu detskogo autizma.* [The affective sphere of human rights. Looking through the prism of childhood autism]. Moscow: Center for Curative Pedagogy, 2000. 363 pp.
19. Pliskii N. *O kleptomanii («vrozhdennoi» naklonnosti k vorovstvu).* [On kleptomania ("innate" tendency to theft)]. Moscow: RIO GNTs imeni V.P. Serbskogo Ministry of Health, 1995. 61 p.
20. Protopopov A.I., Viazovskii A.V. *Instinkty cheloveka: (popytka opisaniia i klassifikatsii)* [The instincts of man (an attempt to describe and classify)]. Yakutsk company "Dani Almas", 2011. 144 pp.
21. Reznikova Zh.I. *Telelecture online www.ethology.ru.* 2012 URL: <http://ethology.ru/persons/?id=66>
22. Samokhvalov V.P. *Etologiia cheloveka: nekotorye posledstviia ob"ektivnykh issledovaniy povedeniia*

- dliia meditsiny i antropologii (obzor) [Human Ethology: some implications for the conduct objective studies of medicine and anthropology (review)]. *Tavrisheskii zhurnal psikhiiatrii* [*Tauride Journal of Psychiatry*], 1997, vol. 1, no. 2, pp 50–80.
23. Shevchenko Yu.S. Instinkt – privychka – vlechenie: patologicheskie privychnye deistviia kak formy addiktzii [Instinct – habit – attraction: the pathological habitual actions as a form of addiction]. In V.D. Mendelevich (ed.), *Rukovodstvo po addiktologii* [*A guide to addictology*]. St. Petersburg: Rech, 2007a. Pp 547–570.
24. Shevchenko Yu.S. Kleptomaniia: etologo-psikhiiatricheskii aspekt [Kleptomania: ethologo psychiatric aspect]. *Ambulatornaia i bol'nichnaia psikhoterapiia i meditsinskaia psikhologiiia* [*Out-patient and hospital medical psychology and psychotherapy*], 2007b, no. 5, pp. 186–191.
25. Shevchenko Yu.S. Printsipy diagnostiki v detskoii i podrostkovoii psikhiiatrii [Principles of diagnostics in Child and Adolescent Psychiatry]. In Yu.S. Shevchenko (ed.), *Detskaia i podrostkovaia psikhiiatriia: Klinicheskie lektsii dlia professionalov* [*Child and Adolescent Psychiatry: Clinical lectures for professionals*]. Moscow: OOO "Medical News Agency", 2011, pp. 29–71.
26. Shevchenko Yu.S., Dobriden' V.P. *Radostnoe vzroslenie: razvitie lichnosti rebenka (metodika INTEKS)*. [*Joyful adulthood: the development of the child's personality (method INTEKS)*]. Saint Petersburg: Rech, 2004. 202 pp.
27. Shostakovich B. V., Leonova O. V. Zavisimoe vorovstvo (kleptomaniia i delinkventnye krazhi) [Dependent stealing (kleptomania and theft delinquent)]. In V.D. Mendelevich (ed.), *Rukovodstvo po addiktologii* [*A guide to addictology*]. St. Petersburg: Rech, 2007, pp. 327–346.
28. Shostakovich B.V., Potapov S.A. Posleslovie [Afterword]. In N. Pliskii, *O kleptomanii («vrozhdennoi» naklonnosti k vorovstvu)*. [*About kleptomania ("innate" tendency to theft)*]. Moscow: RIO GNTs imeni V.P. Serbskogo Ministry of Health, 1995, pp 51–59.
29. Zeigarnik B.V. *Patopsikhologiiia. 2-e izd* [*Pathopsychology. 2nd ed.*]. Publishing house of the Moscow University. Moscow, 1986. 287 pp.
30. Zhukov D. A. *Stoi, kto vedet? Biologiiia povedeniia cheloveka i drugikh zveri: v 2-kh t.* [*Wait, who is there? Biology of human behavior and other animals: in 2 vols.*] Vol. 1. Moscow: Aldini nonfiction, 2014. 428 pp.